

Лингвистика

УДК 81-11

А.В. Кремнева

ИНТЕГРАЦИЯ КОГНИТИВНОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ КАК ЛОГИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статье обосновывается целесообразность и продуктивность рассмотрения сущности интертекстуальности как одной из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры на основе интеграции когнитивного и семиотического подходов. Как показано в работе, интеграция данных подходов не является случайной, а, напротив, она логически закономерна и подготовлена всем ходом развития теории интертекстуальности, а также общей тенденцией современной науки к сотрудничеству различных направлений, что отвечает принципу экспансионизма как одному ведущих в современной научной парадигме.

Ключевые слова: интертекстуальность, интеграция, когнитивно-семиотический подход, экспансионизм, семиотическое пространство культуры.

Явление межтекстового взаимодействия, одной из форм которого является интертекстуальность, существует в литературе со времени ее появления и осуществляется в самых различных формах. Как отмечают американские исследователи Дж. Стил и М. Уортон в предисловии к сборнику статей по теории интертекстуальности, отдельные элементы интертекстуальности (в широком понимании этого термина) могут быть выявлены в любых видах текста, начиная от трудов великих мыслителей прошлого, таких, как «Диалоги» Платона и «Поэтика» Аристотеля [28. Р. 2-7]. В самостоятельную теорию интертекстуальность оформилась к концу 60-х гг. прошлого века, когда Ю. Кристева впервые ввела соответствующий термин и изложила принципы новой методологии, подчеркивая при этом заслуги М.М. Бахтина и значение его концепции диалогизма гуманитарного мышления в становлении теории интертекстуальности [11]. Литература должна была накопить значительный опыт межтекстового взаимодействия, чтобы создать достаточную эмпирическую базу для теоретического осмысления этого опыта. Именно в XX в., как отмечает Н. Пьеге-Гро, не только разработана теория интертекстуальности, сложившаяся в самостоятельное направление, но и систематизированы сами интертекстовые практики [18. С. 49].

За время своего существования теория интертекстуальности прошла несколько стадий развития, что нашло отражение в формулировках ее сущности и в базовых понятиях. Можно предположить, что эволюция теории интертекстуальности в значительной степени обусловлена изменением историко-культурного контекста, текстовых практик, эволюцией научного гуманитарного знания, а также сменой парадигм этого знания. За более чем полувековую историю термина «интертекстуальность» сложилось несколько направлений, или подходов к исследованию этого сложного и многоаспектного феномена. Основными являются следующие: структурно-семиотический, культурно-семиотический, семиотико-герменевтический, синергетический, коммуникативный, этнопсихолингвистический. [10].

При этом порою достаточно сложно провести границу между ними, поскольку в современной науке существует тенденция не только к интеграции различных подходов внутри одного направления, но и тесное сотрудничество между различными, что является проявлением принципа экспансионизма, являющегося одной из парадигмальных черт современной лингвистики [12. С. 207]. Сегодня можно с уверенностью сказать о том, что сбываются слова В.И. Вернадского, предсказавшего, что в XX в. рост научного знания приведет к стиранию границ между отдельными науками и это неминуемо приведет к сближению не по наукам, а по проблемам.

Состояние современной науки о языке позволяет предположить, что экспансионизм как одна из парадигмальных черт современной лингвистики сегодня находит проявление не только в сотрудничестве лингвистики с другими науками, но и в интеграции различных направлений внутри самой науки о языке [8. С. 227]. Попытку такой интеграции можно увидеть в работах Р. Лэнекера. Анализируя сущность структурного, функционального и когнитивного подходов к изучению языка и отмечая опреде-

ленные ограничения каждого из них, он в то же время акцентирует необходимость их сотрудничества, подчеркивая, что язык является тем феноменом, где эти подходы неминуемо пересекаются [27. Р. 18].

Анализ работ, посвященных проблеме текста и другим аспектам языка, выполненных как в семиотическом, так и в когнитивном ракурсах, позволяет предположить, что эти два направления, эволюционируя в своем развитии, неуклонно двигались навстречу друг другу. Подчеркивая закономерность сближения семиотического и когнитивного подходов к исследованию языка, А.С. Самигуллина отмечает, что такая интеграция обусловлена природой самого языка, которая носит принципиально двойственный характер: язык является одновременно и системой знаков, замещающих предметы речи, и системой символов, за которыми стоит духовный опыт людей [19. С. 14]. По мнению Н.Д. Арутюновой, символический аспект находит свое выражение в значении слова, в котором запечатлен духовный опыт людей: практический, эстетический, нравственный и мифологический. «Знаки требуют понимания, символы и значения – интерпретации» [3. С. 342]. Знаки, по ее мнению, оказываются ближе к общению, а «символы и даже образ ближе к мышлению – художественному, мифическому, религиозному» [3. С. 342]. Это дает исследователям основания охарактеризовать когнитивную науку как науку о символах, а семиотику – как науку о знаках [19. С. 14].

При всем уважении к мнению исследователей, нам все же представляется, что термин «символ» для определения основного объекта когнитивной науки является не самым удачным в силу его амбивалентности, поскольку данный термин используется в семиотике для обозначения одного из видов знаков (семиотика выделяет знаки-индексы, знаки-иконы и знаки-символы). На наш взгляд, существует гораздо больше оснований для определения когнитивной науки как науки о концептах и средствах их языковой репрезентации. Таким образом, если основной единицей семиотики является знак, то основной единицей когнитивной лингвистики является концепт в его двух ипостасях, или аспектах: в аспекте его сущности как единицы ментального мира, кванта знания, и в аспекте его языковой репрезентации, когда он подводится под «тело» знака и становится значением языкового знака. Эти две сущности пересекаются в определении значения в когнитивно-ориентированных исследованиях, в которых значение трактуется как концепт, «схваченный знаком» [9. С. 92].

Таким образом, можно утверждать, что главным основанием для сближения когнитивного и семиотического подходов является, прежде всего, общность их объекта исследования, в качестве которой выступает семантика языкового знака, при этом сближение осуществлялось через преодоление того, что разделяло эти два направления: абсолютный объективизм семиотики и чрезмерный субъективизм когнитивистики, что, в конечном счете, способствовало сближению и взаимодействию системно-центрического и антропоцентрического подходов к изучению центральной проблемы лингвистики – проблемы значения.

Другой дефиницией, которая обуславливает сближение когнитивистики и семиотики, и которая, по сути дела, тесно связана с изучением проблемы значения, или смысла, является понятие интерпретанты. По мнению В.И. Заботкиной, именно интерпретанта выступает в качестве связующего звена между когнитивистикой и семиотикой [5. С. 155]. Несмотря на то, что данное понятие не имеет однозначной трактовки в семиотике и понимается и как общее знание о предмете, и как контекст, уже отец-основатель семиотики Ч. Пирс подчеркивал непрерывность процесса семиозиса, отмечая постоянную регенерацию интерпретации вообще и интерпретанта в частности. Он акцентировал динамический характер интерпретанты, находящий выражение в прямом эффекте, производимом знаком на его интерпретатора (Цит. по: [17. С. 18]). На ведущую роль интерпретатора указывает и М. Фуко, отмечая, что основное в интерпретации – это сам интерпретатор [25]. Данная трактовка интерпретанты однозначно указывает на учет ее автором человеческого фактора в семиотике, на включение вопросов, связанных с интерпретирующей деятельностью индивидуального сознания, в сферу интересов семиотики, что также сближает ее с когнитивной наукой.

Сближение когнитивной науки и семиотики осуществляется и на основе общности интереса обеих наук к вопросам тесной взаимосвязи языка и культуры. Как отмечал Ю.С. Степанов, семиотика сегодня активно расширяется в новую сферу – исследование культурных концептов, или концептологию [22. С. 40]. Следствием сближения интересов семиотики и когнитивной лингвистики к вопросам взаимодействия языка и культуры является тот факт, что такие базовые понятия, как культурный концепт, концептосфера нации, картина мира и т. д. широко используются в работах обоих направлений, границы между которыми иногда практически стираются.

Семиотика и когнитивная лингвистика имеют много общего в их подходах к анализу фактов языка, в их интересе к изучению креативной функции языка, вопросам языкового творчества, находящего свое воплощение в нестандартных способах кодирования смысла, что также обусловлено действием принципа антропоцентризма. Характеризуя современную семиотику, Ю.С. Степанов отмечает, что сегодня она понимается не столько как «учение о знаковых системах, сколько как деятельность – творчество (творчество знаков в том числе)» [23. С. 3]. Вопросы, связанные с лингвокреативным мышлением как особым видом ментальной деятельности, направленной на поиски неконвенциональных средств порождения смысла за счет использования ассоциативного потенциала языковых знаков, находятся в центре внимания когнитивной лингвистики, что также способствует ее интеграции с семиотическими исследованиями.

Сотрудничество семиотики и когнитивной науки находит свое проявление в их стремлении к пониманию сущности базовых психических процессов, и, прежде всего, к роли памяти и знаний в трансфере культуры. Как мы уже отмечали, Ю.М. Лотман в своих более поздних работах обращается к вопросам рассмотрения литературы и других видов искусства в контексте культуры. Культура при этом понимается как *ненаследственная память коллектива* [15. С. 487], которая хранится в текстах, являющихся не только генераторами новых смыслов, но и средством хранения памяти о предшествующих текстах. Говоря о будущем теории интертекстуальности, И.П. Смирнов также утверждал, что оно будет связано прежде всего с теорией памяти [21. С. 125-126]. Таким образом, можно предположить, что именно проблема памяти стала одной из точек пересечения интересов семиотики и когнитивной лингвистики.

В работах Е.С. Кубряковой связь между семиотикой и когнитивной лингвистикой и целесообразность интеграции этих подходов к анализу языковых фактов рассматривается в ином аспекте и на ином языковом материале. Подчеркивая междисциплинарный характер когнитивной лингвистики и ее обреченность на сотрудничество с другими науками, она отмечает парадоксальность того факта, что семиотика редко упоминается в перечне тех наук, с которыми сотрудничает когнитивная лингвистика, хотя уже в работах когнитивистов первого поколения можно увидеть явный «семиотический фон», поскольку в них уже ставились задачи по анализу ментальных репрезентаций в языковом сознании и описанию их связей с языковыми формами [13. С. 283]. Е.С. Кубрякова показывает возможность применения когнитивно-семиотического подхода к описанию актов номинации с помощью производных слов, выделяя в качестве основных компонентов этого процесса когнитивную и семиотическую составляющие. Рассматривая номинативный акт как акт формирования и фиксации языковой формой определенной структуры знания и опираясь на широкое понимание интерпретанты как средства фиксации семиотической операции «знак за знак» (т. е. толкование значения знака с помощью другого знака), автор убедительно показывает, что семиотические характеристики производных слов не менее значимы для понимания их специфики, чем ономаσιологические и когнитивные характеристики, и приходит к выводу о том, что интеграция семиотического и когнитивного подходов позволяет более полно представить как семиотическую, так и когнитивную сущность актов номинации.

В другой работе Е.С. Кубрякова показывает пример такой интеграции на материале анализа сущности текста [14]. Рассматривая текст с позиций семиотики как особую материальную протяженность, последовательность предложений или сверхфразовых единств, образующих сложный или сверхсложный знак, она подчеркивает, что семантическое пространство текста связано «тысячью нитей с условиями его создания», т. е. дискурсивной средой, что необходимо учитывать в процессе интерпретации смысла текста. Извлечение информации из текста, как подчеркивает автор, – это по сути своей когнитивный процесс, в котором оказываются задействованными и знания о языке, и знания о мире, и знания о принятых в языке соотношениях языковых структур с когнитивными. Таким образом, будучи сложным семиотическим образованием, текст, как отмечает Е.С. Кубрякова, побуждает нас к творческому процессу его понимания, интерпретации, додумывания, другими словами, «осмысления человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира и служащего сотворению новых ступеней познания этого мира» [14].

Сегодня можно констатировать, что идея интеграции семиотического и когнитивного подходов принята научным сообществом и реализуется в целом ряде исследований. Так, в докторский диссертации А.С. Самигуллиной данный подход используется в изучении метафоры [20]. Проведенное автором исследование метафоры с позиций данного подхода позволяет сделать обоснованный вывод о том, что «когнитивная лингвистика третьего тысячелетия может претендовать на роль оптимального

проекта при условии ее целенаправленного и последовательного сближения с семиотической проблематикой» [20. С. 14]. Н.Ф. Алефиренко проводит анализ семантики слова на основе интеграции когнитивного, семиотического и синергетического подходов [1]. Еще одним убедительным примером интеграции когнитивного и семиотического подходов к исследованию может служить работа В.И. Карасика с весьма характерным названием «Семиотические типы концептов». Автор показывает, что осмысление концепта в семиотическом ракурсе дает возможность схематически представить понятийный, образный и ценностный компоненты его структуры в виде последовательного усложнения кодируемой информации [7]. Проведенный обзор свидетельствует о том, что в отечественной науке четко прослеживается тенденция к сближению когнитивного и семиотического подходов к исследованию различных аспектов языка.

В зарубежной лингвистике сближение когнитивного и семиотического подходов привело к формированию нового междисциплинарного направления – когнитивной семиотики. Сегодня существует несколько школ и исследовательских проектов в США, Швеции, Дании и Швейцарии, с 2007 г. издается специальный журнал “Journal of Cognitive Semiotics”, в 2013 г. была создана международная ассоциация по проблемам когнитивной семиотики (www.iacs.dk). Как отмечает один из наиболее известных представителей данного направления Й. Златев в обзорных статьях, посвященных анализу исследовательской программы и наиболее значительных работ по когнитивной семиотике [29; 6], данная область представляет собой междисциплинарную матрицу дисциплин и методов исследования, в фокусе которой находится многоаспектный феномен значения, для изучения которого интегрируются данные из таких областей знания, как семиотика, лингвистика, компаративная и возрастная психология, философия, когнитивная наука, био- и нейролингвистика. Описывая сущность когнитивной семиотики как нового направления, Й. Златев дает краткую характеристику ее основных принципов. Во-первых, это органическое соединение теоретических и эмпирических данных (в его терминологии «концептуально-эмпирический вектор», направленный, с одной стороны, на верификацию понятийного содержания, а, с другой, на обогащение эмпирического подхода новыми знаниями). Во-вторых, это т.н. методологическая триангуляция, суть которой состоит в органическом соединении философии как области первого порядка, этнометодологии как области второго порядка и экспериментальной психологии как области третьего порядка, т.е. интеграции всех трех типов методов в одном исследовательском проекте. В третьих, это значительное влияние феноменологии как основы для рассмотрения таких вопросов, как взаимосвязь между сенсорным опытом, социальным взаимодействием и языком, фокусировка на динамической сущности языковых и ментальных процессов [6. С. 327-331]. Именно на основе воплощения перечисленных принципов становится возможной, по мнению Й. Златева, истинная междисциплинарность, цель которой состоит в том, «чтобы понять существующий мир в соответствии с законом знания» [6. С. 331]. Заклучая анализ базовых положений когнитивной семиотики как междисциплинарной в своей основе концепции, которая основана на интеграции знаний о жизни, мышлении, языке и обществе, Й. Златев особо подчеркивает ее значительный экспланаторный потенциал, способствующий получению новых знаний относительно природы и культуры человека. И хотя среди работ данного направления нет отдельных исследований, посвященных межтекстовому взаимодействию, многие положения, разработанные в рамках когнитивно-семиотической концепции языка, касающиеся таких вопросов, как образы сознания, концептуальная интеграция, метафоры могут оказаться востребованными при изучении интертекстуальности.

Как уже было отмечено, на сегодняшний день сложилось несколько направлений в изучении интертекстуальности, в рамках которых существует множество определений интертекстуальности и интертекста, отражающих сущность данного феномена с позиции подхода, избранного исследователем. В зависимости от фокуса внимания исследователей интертекстуальность предстает как встреча двух текстов, двух субъектов, двух авторов (М.М. Бахтин); как мозаика цитаций (Ю. Кристева); как ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат (Р. Барт, У. Эко); как сложная сеть функций, устанавливающая и регулирующая отношения между текстом и интертекстом, восприятие читателем отношений между данным произведением и другим (М. Риффатер); как особый способ генерирования смысла путем переключения из одной системы семиотического осознания смысла в другую, специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста (Ю.М. Лотман); как категория коммуникации, выходящая за пределы только литературных текстов и занимающая важное место в структуре языкового существования (Б.М. Гаспаров, Г.В. Денисова); как

основное средство воплощения памяти культуры в тексте (Р. Лахманн); как словесный творческий акт, в основе которого лежит механизм семиотической игры между исходным и порождаемым текстом в пространстве культуры (И.П. Смирнов, Е.Е. Бразговская); как способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений, оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» (Н.А. Фатеева); как особый способ прочитывания, т. е. то, каким образом «текст прочитывает историю и вписывается в нее» (И.П. Ильин), как текстуальная категория открытости текста (В.Е. Чернявская).

Анализ приведенных выше и других определений показывает, что одни исследователи фокусируют внимание на взаимодействии текстов как продолжении литературной традиции, другие – трактуют данное явление в семиотическом плане как особый способ смыслопорождения, третьи – рассматривают интертекстуальность как особый способ прочтения и интерпретации текста, четвертые – как особый словесный творческий акт, или стилистический прием.

Можно полагать, что множество определений интертекстуальности лишь подчеркивает сложность и многоаспектность данного феномена, что и обуславливает необходимость и целесообразность интегративного подхода к его изучению. Попытка интегративного подхода к изучению интертекстуальности неоднократно предпринималась исследователями. И.В. Арнольд сумела органически соединить идеи диалогизма М.М. Бахтина, учение о семиосфере Ю.М. Лотмана, основные положения рецептивной эстетики, герменевтики и стилистики декодирования, показав тем самым преемственность в развитии гуманитарных наук [2]. Однако с момента публикации работ И.В. Арнольд прошло уже несколько десятилетий, и за это время произошла смена доминантной парадигмы в лингвистике. Именно становление когнитивной парадигмы с ее вниманием к когнитивным механизмам и процессам, лежащим в основе рече- и текстопорождения, а также ее трансдисциплинарным характером и, в первую очередь, интеграцией когнитивного и семиотического подходов, послужило стимулом для рассмотрения интертекстуальности в когнитивно-семиотическом ракурсе.

Сформулируем свое понимание сущности интертекстуальности в ее когнитивно-семиотической интерпретации. Рассматриваемая с этих позиций **интертекстуальность может быть определена как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры, основанная на принципе диалогизма и представляющая собой особый, неконвенциональный способ кодирования/декодирования (порождения/восприятия) смысла текста путем эксплицитной или имплицитной отсылки к другому тексту, хранящемуся в тезаурусе автора/реципиента и служащему основой для смыслопорождения и смысловосприятия.**

Как следует из определения, в исследовании феномена интертекстуальности можно выделить следующие тесно связанные между собой основные проблемы, или составляющие: проблему межтекстового взаимодействия и его воплощения в тексте, проблему памяти как основы трансляции культуры, проблему порождения смысла, возникающего в процессе межтекстового взаимодействия, и проблему смысловосприятия текста, являющегося результатом такого взаимодействия.

Определяя интертекстуальность как способ межтекстового взаимодействия, следует подчеркнуть, что такое взаимодействие может осуществляться в различных формах. Р. Лахманн называет эти формы моделями интертекстуальности и выделяет три такие модели: участие в трансляции памяти культуры (*participation*), тропеизация (*troping*) и трансформация (*transformation*) [26. Р. 17]. В первом случае речь идет об участии литературных произведений в трансляции культуры от поколения к поколению и от культуры к культуре, преемственности в развитии литературы, опоре на предшествующие тексты и предшествующие литературные сюжеты и темы. Литература знает множество т.н. странствующих сюжетов, которые путешествуют не только во времени, но и в пространстве, получая новую интерпретацию в соответствии с особенностями принимающей культуры или авторского мировоззрения.

При тропеизации происходит переосмысление исходного текста, игра смыслов, для нее характерно использование скрытых, или латентных способов интертекстуальной переклички. Трансформация связана, прежде всего, с изменением формы исходного текста, использованием фрагментов претекста, с его различными преобразованиями. Например: *'I am not about to look a gift horse'* (E. George. *Careless in Red*). Данная фраза представляет собой редуцированный вариант известной английской идиомы *'to look a gift horse in the mouth'*. Выделяя эти формы осуществления интертекстуальности, вместе с тем следует признать, что в текстовой реальности они нередко могут сочетаться, наслаиваться или пересекаться, а потому граница между ними оказывается достаточно диффузной.

Определяя интертекстуальность как одну из форм межтекстового взаимодействия, мы тем самым ограничиваем интертекстуальность от таких смежных процессов, как деривация, результатом которой является создание т. н. вторичных текстов: аннотаций, рецензий, сценариев и т. п. Мы усматриваем это различие прежде всего в том, что деривация представляет собой однонаправленный процесс от исходного текста к производному, и, что самое главное, ее продукт – т. н. вторичный текст не оказывает влияния на смысл исходного текста. Интертекстуальность же представляет собой двунаправленный процесс, это – «улица с двусторонним движением»: новый смысл, порождаемый в результате интертекстуальной переключки, способен «отбрасывать свет» на претекст, изменяя его первоначальный смысл. Данное явление особенно характерно для постмодернистских художественных текстов. Н.А. Фатеева отмечает, что для литературы постмодернизма характерно «снижение» классических литературных образов, в результате чего интертекстуальная связь приобретает пародийный характер [24. С. 32-33], что неизбежно влияет на восприятие читателем претекста. Так, в романе *“Wise Children”*, характеризующимся высокой степенью интертекстуальной плотности, автор использует аллюзию на Льюиса Кэрролла, однако этот образ и его любовь к детям трансформируется в контексте романа и получает фрейдистское толкование: Льюис Кэрролл в романе писательницы является фотографом детского порножурнала. *Lewis Carroll saw her, sent her an inscribed copy of Alice, invited her to tea and got her to slip her frock off after the crumpets, whereupon he snapped her in the altogether but she drew the line at imitating the action depicted upon certain other Greek vases, or so she always maintained... Not many people can boast a photo of their grandmother posing for kiddiporn (A. Carter. Wise Children).*

Связи между текстами, лежащие в основе интертекстуального взаимодействия, могут основываться как на принципе сходства, так и на принципе смежности, т. е. носить как симулятивный, метафорический, так и ассоциативный, метонимический характер. Особенность межтекстовых связей, основанных на метафоризации, заключается в том, что исходный интертекст (или его фрагмент), проходя процесс метафоризации, получает новое смысловое содержание, которое не повторяет смысл претекста. Именно изменение смысла претекста позволяет говорить о т. н. симулякрах [Lachmann].

Метонимический характер интертекстуального взаимодействия имеет место в тех случаях, когда связи между текстами носят ассоциативный характер. Типичным примером метонимических связей, лежащих в основе интертекстуального взаимодействия, может служить использование пословиц и поговорок. Например: *But when she handed over the cash and established ownership over the appliance, which – in addition to its unappealing decoration of roses, daisies, fuchsias, and flax – also gave a portentous crinkle-clank whenever its door was slammed, Barbara thought philosophically about beggars and choosers (E. George. *Playing for the Ashes*).* Данная фраза представляет собой усеченный вариант известной английской пословицы *Beggars are no choosers*. В описываемой ситуации персонаж рассматривает приобретенный подержанный холодильник, выявляет все его недостатки и в качестве утешения напоминает себе слова известной пословицы, гласящей, что нищие не выбирают.

Вводя в определение интертекстуальности понятие семиотического пространства культуры, мы тем самым подчеркиваем культурологическую составляющую феномена интертекстуальности, показывая роль интертекстуальности в процессах воплощения памяти культуры и трансляции культуры посредством текстов. Рассматриваемая в этом ракурсе литература предстает не только как сфера манифестации памяти культуры в тексте, она запускает механизмы памяти, открывая таким образом доступ к наблюдению того, как работает культурная память. Интертекстуальность базируется на памяти, хранится в памяти и может быть представлена как сеть взаимосвязанных процессов, которые в свою очередь порождают компоненты, приводящие эти процессы в действие. Рассматриваемая с этих позиций, интертекстуальность представляет собой способ овнешнения памяти культуры.

Определяя интертекстуальность как особый, неконвенциональный способ генерирования смысла, мы тем самым подчеркиваем ее риторическую сущность, сближающую ее со стилистическим приемом, семиотической игрой смыслов. Интертекст создает подобие тропических отношений на уровне текста. Трактовка интертекстуальности как одного из приемов выразительной речи представлена в работе В.П. Москвина, рассматривающего интертекстуальные маркеры прежде всего как стилистические приемы, или, в терминологии автора, фигуры интертекста [16].

Все более широкое использование «чужого слова» в текстовых практиках и в нашей повседневной коммуникации обусловлено и тем, что нередко выражение смысла сообщения с помощью «чужого слова» оказывается и более экономичным способом выражения смысла: вместо развернутой

формы выражения смысла говорящему оказывается когнитивно более «выгодно» передать этот смысл с помощью лишь одного слова или фрагмента фразы из прецедентного текста, т. е. лишь намека, достаточного для того, чтобы слушающий, обладающий достаточным интертекстуальным тезаурусом, смог декодировать смысл сообщения. Принцип экономии, реализуемый при использовании «чужого слова» становится особенно очевидным в тех случаях, когда в порождаемом тексте используется лишь фрагмент прецедентного текста, который должен активировать в памяти слушающего весь текст, способствуя пониманию смысла, передаваемого с помощью этого текста. Например: *Now you may cut your coat a bit longer* (J. Galsworthy. *The Man of Property*). Данное предложение представляет собой модификацию известной английской поговорки *Cut your coat according to your cloth*. Используя фрагмент этой поговорки Старый Джолион говорит сыну, что после пересмотра его завещания сын может позволить себе тратить чуть больше. Таким образом, мы видим, что способ «упаковки» смысла в художественном тексте с помощью отсылки к другому тексту может оказаться не только более экспрессивным, но и более экономичным, чем конвенциональные способы.

Нельзя не отметить и тот факт, что при использовании фрагментов интекстов в коммуникации неизменно присутствует элемент игры, и таким образом находит свою реализацию лингвокреативный потенциал мышления, наше стремление к использованию неконвенциональных, «свежих» способов выражения мысли. Следовательно, такие способы передачи мысли отвечают постоянной потребности к лингвокреативной деятельности, игре со словом, в данном случае, игре с помощью «чужого слова». Так, любимым занятием центрального персонажа романа Айрис Мердок *"A Word Child"* является игра со словом: он создает новые слова, обыгрывает значения многозначных слов, его высказывания, содержащие интертекстуальные включения, отличаются особой изощренностью и рассчитаны на богатый интертекстуальный тезаурус собеседника. Приведем один пример подобного высказывания: *'How is your exciting life?' 'Thrillinger and thrillinger'. 'Tell' (I. Murdoch. A Word Child)*. Нестандартная форма образования сравнительной степени прилагательного отсылает читателя к кэрролловской *curiouser and curiouser*. Редуцируя прецедентное высказывание до минимума, он предлагает собеседнику и читателю своеобразную «интертекстуальную игру», или загадку, которую может разгадать читатель, хорошо знающий текст Л. Кэрролла.

Рассматривая интертекстуальность как способ кодирования смысла путем отсылки к другому тексту, мы особо подчеркиваем, что способы такой отсылки могут быть самыми разнообразными: прямое цитирование, аллюзии, образы, синтаксическая организация текста, его ритмико-интонационная структура, его композиция и сюжет. Все эти средства служат эксплицитными маркерами интертекстуальности. Но интертекстуальные связи могут и не иметь эксплицитных маркеров, а носить имплицитный, или латентный характер, основываться на ассоциациях и выявляться только в результате глубокого смыслового анализа текста при условии наличия у читателя достаточных знаний и навыков такого анализа. Именно поэтому М.Л. Гаспаров говорил, что «интертекстуальный анализ до сих пор остается скорее искусством, чем наукой» [4. С. 3]. Основной особенностью кодирования смысла путем отсылки к другому тексту является особый характер таких кодов, заключающийся в их двойной референции, отсылающей одновременно и к ситуации, описываемой в тексте, и к другому тексту, что приводит к семантической усложненности и синкретизму смысла, возникающего в результате такого межтекстового взаимодействия. Всё это дает основания для рассмотрения сущности подобного синкретизма с позиций концептуальной интеграции как когнитивного механизма, лежащего в основе многих феноменов языка и культуры. Принятое нами понимание интертекстуальности обуславливает необходимость подробного изучения вопроса об интертекстуальном тезаурусе как особом формате знания, в котором хранятся фрагменты различных прецедентных текстов, имен и ситуаций, на которые мы опираемся в процессах создания или интерпретации текстов. Выявление и описание различных средств интертекстуальной связи как способов овнешнения памяти культуры способствует реконструкции форм хранения знания в памяти культуры и выявлению средств их реактивации в процессах создания нового текста для порождения новых смыслов и дальнейшего развития культуры. Обращение к исследованию форм хранения прецедентных феноменов, к понятию интертекстуального, или лингвокультурного тезауруса выводит нас в проблематику памяти, когниции и определяет когнитивную составляющую нашего подхода.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что основой для интеграции семиотического и когнитивного подходов является, прежде всего, принцип антропоцентризма, который лежит в основании когнитивной лингвистики и в направлении которого развивалась семиотика, обращаясь в ходе своего развития к таким категориям, как значение, интерпретанта, память, семиосфе-

ра, и к исследованию таких вопросов, как взаимосвязь языка и культуры, креативная функция языка, что закономерно привело к их сближению в изучении многих языковых явлений. Можно полагать, что интеграция семиотического и когнитивного подходов призвана способствовать большей степени экспланаторности исследований различных языковых проблем, в том числе проблемы межтекстового взаимодействия, одним из видов которого является интертекстуальность, что мы и попытались показать в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, Наука, 2010. 288 с.
2. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). Лекции к спецкурсу. СПб.: Образование, 1995. 60 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Изв. РАН. Серия лит. и языка. Т. 61. 2002. С. 3-9.
5. Заботкина В.И. О соотношении когнитивных и семиотических аспектов лингвистических исследований // Языкознание: взгляд в будущее. Под редакцией проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002. С. 155-163.
6. Златев Й. Когнитивная семиотика: новое междисциплинарное направление // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 324-334.
7. Карасик В.И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5-12.
8. Козлова Л.А. Интеграция различных подходов как характерная черта современной лингвистики // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы 1-й Международной конференции 5-7 октября 2011 г. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. С. 226-229.
9. Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
10. Кремнева А.В. Основные направления интертекстуальных исследований и возможные перспективы дальнейшего изучения проблемы межтекстового взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2017. № 3 (116). С. 105-116.
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. статья Г.К. Косикова. М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. С. 427-457.
12. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 144-238.
13. Кубрякова Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. редакторы: Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283-291.
14. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т.1. М.: 2001. С. 72- 81.
15. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.
16. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры. Жанры. Стили. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Либрикон», 2015. 168 с.
17. Проскурин С.Г. Курс семиотики. Язык, культура, право. Учебное пособие. Новосибирск, Новосиб. Госуниверситет, 2013. 226 с.
18. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
19. Самигуллина А.С. Когнитивная лингвистика и семиотика // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 11-24.
20. Самигуллина А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. ... докт филол. наук. Уфа, 2008. 41 с.
21. Смирнов И.П. Порождение Интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. Второе издание. СПб., 1995. 190 с.
22. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.
23. Степанов Ю.С. Предисловие к книге С.Г. Проскурина «Семиотика индоевропейской культуры»: учебник. 2-е изд., перераб. и испр. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2005. 234 с.
24. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: АГАР, 2000. 280 с.
25. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебренниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия». Университетская книга, 2004. 416 с.
26. Lachmann. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism/ Translated by R.Sellars and A. Wall. Forward by W. Iser. Theory and History of Literature. Volume 87. University of Minnesota Press/ Minneapolis/London, 1997. 470 p.
27. Langacker R.W. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology. Mouton de Gruyter. Berlin, New York, 1999. P. 12-59.

28. Still J., Worton M. Introduction // *Intertextuality. Theories and Practice*. Edited by Michael Worton and Judith Still. Manchester University Press, Manchester and New York, 1990. P. 1-44.
29. Zlatev J. *Cognitive Semiotics: an Emerging Field for Transdisciplinary Study of Meaning*// *The Public Journal of Semiotics*.#IV(1), 2012. P. 2-24.

Поступила в редакцию 28.02.2018

Кремнева Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»
656000, Россия, г. Барнаул, пр-г. Ленина, 46
E-mail: annakremneva@mail.ru

A.V. Kremneva

THE INTEGRATION OF COGNITIVE AND SEMIOTIC APPROACHES AS A LOGICAL CONSEQUENCE IN THE DEVELOPMENT OF INTERTEXTUALITY THEORY

The article postulates the expediency and productivity of considering the essence of intertextuality as a form of textual interaction in the semiotic space of culture on the basis of the integrating cognitive and semiotic approaches. As it is stated in the article, the integration of these approaches is not incidental, but quite logical as it has been prepared by the development of intertextuality theory as well as by the tendency of contemporary science towards cooperation between various disciplines which corresponds to the principle of expansionism as one of the leading principles of contemporary science paradigm.

Keywords: intertextuality, integration, cognitive-semiotic approach, expansionism, semiotic space of culture.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. *Lingvokulturologia. Tsennostno smislovoye prostanstvo yazika* [Linguocultural studies. Axiological space of language]. Moscow: Flinta, Nauka, 2010. 288 pp. (In Russian).
2. Arnold I.V. *Problemi dialogizma, intertextualnosti i hermenevtiki (v interpretatsii hudozhestvennogo teksta). Lektsii k spetskursu* [Problems of dialogism, intertextuality and hermeneutics (in the interpretation of a literary text). Lectures for a special course]. St. Petersburg, «Obrazovaniye», [“Education”], 1995. 60 pp. (In Russian).
3. Arutunova N.D. *Yazik i mir cheloveka* [The Language and human world]. Moscow: Yaziki russkoi kulturi [Languages of the Russian culture], 1999. 896 pp. (In Russian).
4. Gasparov M.L. *Literaturniy intertext i yazikovoi intertext* [Literary intertext and linguistic intertext] // *Izv. RAN. Seria lit. i yazika* [News bulletin of the Russian Academy of Science. Series of literature and language]. V. 61. 2002. PP. 3-9. (In Russian).
5. Zabotkina V.I. *O sootnoshenii kognitivnih i semioticheskikh aspektov lingvisticheskikh issledovaniy* [On the interrelation of cognitive and semantic aspects of linguistic studies] // *Yazikoznanie: vzglyad v buduchee. Pod redaktsiey prof. G.I. Berestneva* [Linguistics: future outlook. Eds. Professor G.I. Berestnev]. Kaliningrad, 2002. PP. 155-163. (In Russian).
6. Zlatev J. *Kognitivnaya semiotika: novoye mezhdistsiplinarnoye napravlenie* [Cognitive semiotics: a new interdisciplinary direction] // *Kognitivnie issledovaniya yazika* [Cognitive Studies of the Language]. Issue XXIV. Moscow: In-t yazikoznaniya RAN [Linguistic Institute of the Russian Academy of Science], Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina [Publishing House of G.R. Derzhavin Tambov State University], 2016. PP. 324-334. (In Russian).
7. Karasik V.I. *Semioticheskiye tipi kontseptov* [Semiotic types of concepts] // *Voprosi kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2012. #4. PP. 5-12. (In Russian).
8. Kozlova L.A. *Intergratsia razlichnih podhodov kak harakternaya cherta sovremennoy lingvistiki* [Integration of different approaches as a characteristic feature of modern linguistics] // *Funktsionalno-kognitivniy analiz yazikovih edinits i ego aplikativniy potentsial: materialy 1-y Mezhdunarodnoy konferentsii 5-7 oktyabrya 2011 g.* [Functional cognitive analysis of linguistic units and its application potential: proceeding of the 1-st international conference of October, 5-7, 2011]. Barnaul: Izd-vo AltGPA [Publishing House of Altai State Pedagogical Academy], 2011. PP. 226-229. (In Russian).
9. *Kratkiy slovar kognitivnih terminov*. E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, U.G. Pankrats, L.G. Lusina. Pod obshechiy redaktsiey E.S. Kubryakovoy [Concise dictionary of cognitive terms. E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, U.G. Pankrats, L.G. Lusina. Under the general editorship of E.S. Kubryakova]. Moscow: filologicheskii fakultet MGU im. M.V. Lomonosova [Philology Department of Lomonosov Moscow State University], 1997. 245 pp. (In Russian).
10. Kremneva A.V. *Osnovniye napravleniya intertextualnih issledovaniy i vozmozhniye perspektivi dalneyshego izucheniya problem mehtextovogo vzaimodeistviya* [Main directions of intertextual studies and possible prospects of further study of the problem of intertextual intergration] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennoy pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd state pedagogical university]. Volgograd, 2017. #3 (116). – PP. 105-116. (In Russian).

11. Kristeva J. Bahtin, slovo, dialog i roman [Bachtin, word, dialogue and novel] // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s fr. i vstup. statya G.K. Kosikova [French semiotics: From structuralism to poststructuralism / Translation from French and foreword by G.K. Kosikov]. – Moscow: Izdatelskaya gruppa “Progress” [Publishing Group “Progress”], 2000. PP. 427-457. (In Russian).
12. Kubryakova E.S. Evolutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka [The evolution of linguistic ideas in the late XX-th century] // Yazik i nauka kontsa XX veka [Language and science in the late XX-th century]. Moscow: IYA RAN [News bulletin of the Russian Academy of Science], 1995. PP. 144-238. (In Russian).
13. Kubryakova E.S. O svyazyah kognitivnoy nauki s semiotikoy (opredeleniye interpretanti znaka) [On the relation of cognitive science and semiotics (the definition of sign interpretation)] // Yazik i kultura. Fakti i tsennosti. K 70-letiu U.S. Stepanova / Otv. redaktori: E.S. Kubryakova, T.E. Yanko [Language and Culture. Facts and Values. To the 70-th anniversary of U.S. Stepanov / Editors-in-chief: E.S. Kubryakova, T.E. Yanko]. – Moscow: Yaziki slovyanskoj kulturi [The languages of the Slavic cultures], 2001. PP. 283-291. (In Russian).
14. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyah ego opredeleniya [On the text and criteria of its definition] // Text. Struktura i semantika [Text. Structure and Semantics]. Volume.1. Moscow: 2001. PP. 72– 81. (In Russian).
15. Lotman U.M. Semiosfera [Semiosphere. St. Petersburg]: Iskusstvo – St. Petersburg, 2000. 704 pp. (In Russian).
16. Moskvina V.P. Intertextualnost: Ponyatiinyy apparat. Figuri. Zhanri. Stili [Izd. sterotip. Intertextuality: Conceptual construct. Figures. Genres. Styles]. Moscow: Knizhnyy dom «Librikon», [Publishing House “Libricon”], 2015. 168 pp.
17. Proskurin S.G. Kurs semiotiki. Yazik, kultura, pravo. Uchebnoye posobiye [Semiotics course. Language, culture, law. Textbook]. Novosibirsk, Novosibirsk state university, 2013. 226 pp. (In Russian).
18. Piegay-Gras N. Vvedeniye v teoriyu intertextualnosti. Per. s fr. / Obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova [Introduction to intertextuality. Translated from French / Under the general editorship of and foreword by G.K. Kosikov]. Moscow: Izdatelstvo LKI [Publishing House LKI], 2008. 240 pp. (In Russian).
19. Samugullina A.S. Kognitivnaya lingvistika i semiotika [Cognitive linguistics and semiotics] // Voprosi yazikoznaniya [Issues of Linguistics]. 2007. #3. PP. 11-24. (In Russian).
20. Samugullina A.S. Metafora v kognitivno-semioticheskom osveshchenii [Metaphor in cognitive and semiotic interpretation]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Extended abstract of a doctoral PhD dissertation]. Ufa, 2008. 41 pp. (In Russian).
21. Smirnov I.P. Porozhdeniye Intrtexta. Elementi intertextualnogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka. Vtoroye izdaniye [Origination of the Intertext. Elements of intertextual analysis with the examples of B.L. Pasternak’s works. Second edition]. St. Petersburg: 1995. 190 pp. (In Russian).
22. Stepanov U.S. Vvodnaya statya. V mire semiotiki [Foreword. In the world of semiotics] // Semiotika: Antologiya/ Sost. U.S. Stepanov. Izd. 2-e, ispr. i dop [Semiotics: Anthology/ Compiled by U.S. Stepanov. Second edition, augmented]. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Delovaya Kniga, 2001. 702 pp. (In Russian).
23. Stepanov U.S. Predisloviye k knige S.G. Proskurina “Semiotika indoevropeskoj kulturi”. Uchebnik. 2-e izd., pererab. i ispr [Foreword to the book by S.G. Proskurin “The Semiotics of Indo-European culture”. Textbook. Second edition, augmented]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN [Publishing House of the Siberian Department of the Russian Academy of Science], 2005. 234 pp. (In Russian).
24. Fateva N.A. Kontrapunkt intertextualnosti, ili intertext v mire textov [The counterpoint of intertextuality, or the intertext in the world of text]. Moscow: AGAR, 2000. 280 pp. (In Russian).
25. Foucault M. Arheologiya znaniya. Per. s fr. M.B. Rakovoy, A.U. Serebrennikovoy; vstup. st. A.S. Kolesnikova [The archeology of knowledge. Translated from French by M.B. Rakova, A.U. Serebrennikova; foreword by A.S. Kolesnikov]. St. Petersburg: ITS «Gumanitarnaya akademiya». Universitetskaya kniga [Publishing House “Gumanitarnaya Akademia”. University Book], 2004. 416 pp. (In Russian).
26. Lachmann. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism/ Translated by R.Sellars and A. Wall. Forward by W. Iser. Theory and History of Literature. Volume 87. University of Minnesota Press/ Minneapolis/London 1997. 470 p. (In English).
27. Langacker R.W. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology Mouton de Gruyter. Berlin, New York, 1999. P. 12-59. (In English).
28. Still J., Worton M. Introduction // Intertextuality. Theories and Practice. Edited by Michael Worton and Judith Still. Manchester University Press, Manchester and New York, 1990. P. 1-44. (In English).
29. Zlatev J. Cognitive Semiotics: an Emerging Field for Transdisciplinary Study of Meaning . The Public Journal of Semiotics.#IV(1), 2012. P. 2-24. (In English).

Received 28.02.2018

Kremneva A.V., Candidate of Philology, Senior lecturer
 Polzunov Altai State Technical University
 Lenina st., 46, Barnaul, Russia, 656000
 E-mail: annakremneva@mail.ru